

Они знали цену мирной жизни

«Мономах» – подлинная «машина времени», переносящая читателей в прошлое нашей малой родины. Несравнимое наслаждение доставляют публикации, рассказывающие о наших земляках.

На одном дыхании прочитал статью «Жить, чтобы трудиться» про семью Юрия Александровича Ромбовского, опубликованную в «Мономахе» № 2-2022. И случилось чудо! Я перенёсся в счастливое детство – 1980-е годы.

Автор статьи во дворе дома № 25 по ул. Локомотивной, июнь 1982 года

Передо мной уютные малоэтажные хрущёвки, протянувшиеся аккуратной линией по проспекту Гая перед забором очаровательно-таинственной Винновской рощи. А вот родной серо-кирпичный трёхэтажный дом № 25 по улице Локомотивной. Среди кустов ароматно цветущей сирени приютилась лавочка со столиком, пожилые соседи сидят и рассказывают друг другу истории из жизни. Это старики-заводчане, долго и честно трудившиеся на Ульянов-

Совет ветеранов Ульяновского моторного завода, рубеж 1970–1980-х. Крайняя справа в первом ряду сидит Мария Кузьминична Малыгина (прабабушка автора). Крайняя справа во втором ряду стоит Мария Григорьевна Ромбовская. Фото из архива семьи Малыгиных-Семеновых

ском моторном заводе. Большинство было эвакуировано из Москвы леденящей осенью 1941 года в товарных вагонах вместе со станками «1-го государственного автомобильного завода им. И.В. Сталина». Много тягот и лишений они перенесли. Запредельным счастьем было получение в начале 1960-х квартир со всеми удобствами в только что построенных домах Киндяковки. Забылись довоенные московские коммуналки, сырые ульяновские землянки и душные бараки. Для комфорта жителей открылись новые магазины. В «Домовой кухне» можно было купить готовые первые и вторые блюда, полуфабрикаты и выпечку. Застал я это удивительное поколение, когда ветераны уже вышли на пенсию и с утра выстаивались горюливой очередью с алюминиевыми бидончиками в магазин «Молоко» за 20 минут до его открытия. В полдень они рассаживались по лавочкам и до позднего вечера говорили, говорили, говорили...

Старики-москвичи отличались благородными чертами лица, манерами, выговором и оригинальными фамилиями: Малыгины, Смоляновы, Акульшины, Райковы, Злобины...

Фамилия Ромбовские казалась мне какой-то аристократично-заграничной и звучала как удар церковного колокола. В годы войны семья моего прадеда – москвича Ивана Дмитриевича Малыгина и Ромбовских были размещены в разных частях Ульяновска. После войны в районе современных улиц Трудовой и Строителей

Автор статьи и его дедушка Генрих Иванович Малыгин, апрель 1982 года

для заводчан создали посёлок из нескольких кирпичных двухэтажных домов, финских щитовых и немецких репарационных домов. Когда посёлок начали застраивать хрущёвками, многие заводчане получили квартиры у переезда (пересечение Локомотивной и проспекта Гая). Здесь Малыгины и Ромбовские оказались в соседних домах по улице Локомотивной, 25 и 27.

С Юрием Александровичем Ромбовским мне близко общаться не приходилось – видел его, когда он навещал своих родителей. Его другом был младший брат моего дедушки Вячеслав Иванович Малыгин, дружили они с самого детства и всю жизнь. Супруга Юрия Александровича Тамара Марковна помогла устроить меня в ближайший к нашему дому детский сад № 46, в котором я чудно проводил время в окружении вековых дубов Винновской рощи.

С родителями Юрия Александровича – Александром Петрови-

чем и Марией Григорьевной – я общался часто и тяжело переживал их уход из жизни. Александр Петрович Ромбовский (02.09.1911–20.04.1993) был подтянутым и интеллигентным мужчиной, из кармана его пиджака частенько выглядывала аккуратно сложенная газета. Сидеть на лавочке он не любил. Старался найти занятие с пользой для души и тела, регулярно ходил за водой к родникам Винновской рощи. Ближайшим родником был Лоточек – вода в нём имела приятный, чуть горьковатый привкус серебра, но была излишне жёсткой – в момент закипания становилась белой как молоко. Для чая она не годилась. Александр Петрович предпочитал ходить в дальний от нас родник Сахарный, вода в нём была намного мягче. Иногда мы с моим дедушкой составляли ему компанию. По пути я часто донимал их расспросами про то, как они жили до войны в Москве. Кажется, эти воспоминания доставляли удовольствие всей нашей компании.

Намного чаще и ближе я общался с Марией Григорьевной Ромбовской (12.04.1913–11.03.1992). Запомнилась она весёлым нравом, громким голосом и тем, что слово «хочется» шутливо произносила как «хотца». Заходила к нам измерить давление – оно у неё часто было повышенным. Мария Григорьевна была большой любительницей посидеть на лавочке и пообщаться. Когда я пробегал мимо неё со своими дворовыми друзьями, она непременно старалась подмигнуть или улыбнуться.

Постепенно поколение москвичей-зисовцев ушло в вечность и стало частью ульяновской истории. Молодость их была наполнена тяготами и лишениями, только под конец жизни они обрели желанный покой в уютной Киндяковке. Когда разваливался СССР, они говорили: «Всё можно пережить, только бы не было войны!»

Дмитрий Семенов